

Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХ

Поэт-ювелир

(К 20-летию литературной деятельности М. А. Волошина)

Среди современных поэтов Максимилиан Волошин занимает обособленное место, — может быть, небольшое, но лежащее на значительной высоте. Широкая публика мало знает его, но подлинные ценители любят его музу.

В этом отношении судьба его напоминает Иннокентия Анненского. М. А. Волошин родился в Киеве 16-го мая 1877 г.¹ <...>

В печати Волошин выступил впервые ровно двадцать лет тому назад, в майской книге журнала «Русская мысль», где была помещена его статья в защиту Гауптмана, по поводу перевода Бальмонтом драмы «Потонувший колокол». Затем Волошин печатался в журнале «Новый Путь», в альманахах «Северные цветы» (изд. «Скорпион»), в газете «Русь» и др. После первых стихотворений в «Новом Пути», в том же журнале появилась порицающая статья Зин. Гиппиус (Антон Крайнего), которая дала Волошину кличку «коммивояжера»².

Термин едва ли удачный, и я предложил бы другой. По той тщательной и бережной отделке, какая свойственна каждому стихотворению Волошина; по изысканности и точности его чеканных образов, его можно назвать ювелиром стиха. К тому же у него есть нежное и упорное пристрастие к драгоценным камням, к «ювелирным» метафорам и параллелям. Он видит «перламутровую просинь между бронзовых листов»³, «бриллианты в зубчатом кружеве ветвей», «в молочных сумерках за сизой пеленою мерцает золото, как желтый огонь в опалах». Он грезит о «Ponte Vecchio», где мастер-ювелир работой долгих бдений, по фону золота вправляя тонко сталь, концом своих кистей, омоченных в эмаль, выращивал цветы латинских изречений». Он любит старинные «vitraux» — «камней прозрачный слиток: и аметисты, и агат»... Вспоминая об одном из лучших дней своей жизни, он пишет: «И были дни, как муть опала, и был один, как аметист».

Луну он называет «седым кристаллом», «алмазом ночей». В готическом соборе он воспеваает гранат и рубины,

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней — царственный янтарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.

В морских волнах он видит снова аметисты и топазы, «алмазы влажной синевы», блески золота и серебра. Нет возможности привести для примера два-три лучших стихотворения Волошина: у него нет плохих вещей. Все они — яркие, сильные, красочные, чрезвычайно стройные и образные. Неуловимые вибрации души, тончайшие мистические переживания замкнуты поэтом в четкие, стальные грани стиха. Магическая гармония его слов раскрывает пред нами прозрачные дали, в которых мы видим величавый образ Мировой Души⁴.

<1920>

